

7 сентября спектаклем по пьесе Г. Полонского «Никто не поверит» очередной театральный сезон открывает Новосибирский ТЮЗ.

Каким был для его творческого коллектива сезон предшествующий, чем обогатил он театр и зрителей, назову художественные обретенные и просчеты постановок, осуществленных в 1982—83 гг., — об этом размышляет в обзорной статье искусствовед Н. Г. Велижанина.

Театральный сезон — понятие отнюдь не только календарное. Театр — явление по своей сути коллективное, и сезон — с осени до весны — является сложным множеством компонентов, их взаимодействие и борьба, каким был последний сезон Новосибирского театра юных зрителей. Что он принес нового в жизнь коллектива и что таким образом принято новосибирским зрителем? Самое главное — последний сезон отличает творческая активность, проявляющаяся в разных качествах. Создано несколько самостоятельных внеплановых спектаклей, что всегда говорит о творческих потенциях коллектива. Это удачный режиссерский дебют заслуженного артиста РСФСР В. Решетникова, спектакль которого «Когда ты рядом», отмеченный сыгранностью актерского ансамбля (А. Салометов, Ю. Сизов, Л. Метелева, С. Якованко), вошел в репертуар театра. Это работа режиссеров А. Зубова и Т. Войцелля над двумя одноактными пьесами — «Любовь» Я. Петрушевской и «Бегун и Гогиня» С. Злотникова. Пока еще никто не нашел ключа к постановке пьес этих драматургов, работа имеет экспериментальный характер и весьма полезна и актерам, занятым в постановке, и вообще коллективу.

Группа театра помолодела, что особенно важно для ТЮЗа, где всегда нужны юные исполнители. На сцене активно работает группа студентов третьего курса театрального училища, сделавших несколько хороших и просто отличных работ, — это прежде всего А. Заягинцев и А. Салометов.

И, наконец, театр в самом конце сезона подготовил премьеру — постановку одной из труднейших пьес русского классического репертуара — «Ревизор» по пьесе Н. В. Гоголя. Всего в репертуар ТЮЗа в сезоне 1982—1983 годов вошло пять новых спектаклей. Какова их значимость в общей афише театра?

Первая премьера ТЮЗа — «Три лишек, два в уме» по пьесе О. Донцова, пьеса о неожиданной принципиальности педагогов, о целях и задачах воспитания, вполне правомерна на сцене театра юных зри-

телей. Каков же нравственный и эстетический итог спектакля? Артисты С. Васильчиков и С. Шапогалов, играющие героя пьесы — молодого педагога, рискнувшего противопоставить твердое собственное мнение привычной рутине некоего ПТУ, в общем дают приммерно одинаковое актерское решение роли с незначительными нюансами. Оба они вполне интеллигентны, доброжелательны, но слишком уж спокойны и благодушны. Столь же спокойно и благодушно излагают они даже свой главный монолог на подсказке — свое гражданское и педагогическое credo, хотя на этом подсказке решается судьба целого коллектива, да и его — главного героя — тоже. Это сразу лишает борьбу драматизма, а спектакль — соперничества зрителей. Есть в спектакле несколько ярких эпизодических актерских работ. Это в первую очередь отец Саши Чижова в исполнении А. Кузнецова, сыгравший зло и остро, на грани гротеска, как самоуверенный демагог, страшный именно своей невозмутимой самоуверенностью, и его жена (артистка С. Суданова), «затурканная» до потери дара речи. Эти работы намечают путь, по которому мог пойти спектакль. Однако не пошел. В спектакле нет ясного отношения к происходящему, нет оценки событий пьесы. Видимо, поэтому спектакль не вошел в репертуар следующего сезона.

К сожалению, не стал удачей и спектакль «Свидетель» по пьесе А. Яковлева в постановке того же Б. Лапина. Пьеса об «огрблении» пионерской номинаты — комедия, скорее всего — пародия на детектив. Режиссер принял ее всерьез, без тени юмора, внес в нее героическую патетику, которая внутренне никак не готовится к русельной череде истинно возделанных недоразумений и поэтому выглядит в спектакле многогранной. И опять, как в первом спектакле, неточность режиссерского замысла оборачивается безликостью актерских решений.

Что такая Катя Ветнина в исполнении И. Кулево? Зрителю понятно ее место в штатном расписании школы и в сюжете, но не более. Очень интересно задумана в пьесе Искра Александровна, директор, с ее энтузиазмом в защите «чести школы» — поглотитель и мой Работы И. Петровой — эти роли лишены остроты, а то время как антриса эта сделала

в свое время немало превосходных характерных ролей, начиная с маленькой разбойницы в «Снежной королеве», мисс Палин в «Коте в сапогах», и вообще, на мой взгляд, является одной из лучших характерных антрис ТЮЗа.

Даже талантливая трагистка, заслуженная артистка РСФСР Л. Ворожцова в роли главного героя Сироткина, убедительная в конкретные сцены, вызывает претензии отсутствием точных психологических мотивировок при переходах от бытовых сцен спектакля к патетическим.

Театр сегодня — это пражле всего углубленные поиски психологизма, то есть актер, долгие годы несмело (а иногда и дерзко) протестующий против «деспотизма режиссерского театра», снова оказался в центре внимания, в сердцевине театрального процесса. От спектаклей сегодня идут не столько открытий в структуре зрелищности (прежде их ждали в первую очередь и ради них прошли многие), но высшего профессионализма — яркости идей, точности нравственных оценок, глубины проживания ролей актерами.

Отсутствие в двух спектаклях режиссера Б. Лапина точных актерских решений оборачивается неточностью общего замысла, ослабленностью драматизма, другими словами, прохладной температурой спектаклей и соответствующим отношением зрителей.

Но, к счастью, есть в этом сезоне и другое. Сказка-притча Г. Полонского «Никто не поверит» создала атмосферу праздника. Она дала возможность соединить тонкую психологическую разработку ролей с яркой постановочной формой. Игра в театре — такое решение этой пьесы в Новосибирском ТЮЗе, заданное режиссером — засл. деятелем искусств РСФСР Л. Беловым. Пролог здесь — гимн театру, актеры на глазах у зрителей надевают маски — это сразу расширяет адрес спектакля. Подрасти с их обостренной боязнью показаться детьми едва ли снизили бы до взаимоотношений лис и цыплят — такова сценическая маска вполне человеческих — и лирических, и драматических взаимоотношений героев, Ромео и Джульетты этой сказки.

Здесь много ярких актерских работ: у Л. Тюринской — Титты Карлсон, у А. Салометова — палы-писа, А. Салометова — Лабри, А. Салометова — Максимилиан.

На мой взгляд, главная ак-

терская удача спектакля — роль лисенка Людвиг в исполнении студента театрального училища А. Заягинцева. Он у него борет за справедливость, «рыцарь без страха и упрека» и вместе с тем несомненный и истинный поэт. Мягкое обаяние и юмор в сочетании с этой рыцарственностью создают обаятельность работы.

Та же трудные принципы — сочетание сложной психологической разработки ролей с остротой постановочного решения — положены режиссером Л. Беловым в основу спектакля «Ревизор» — центральной работы сезона. Однако здесь, конечно, создать органичный комплекс того и другого было много сложнее.

Четко ощущается режиссерская задача — снять хрестоматийный глянec с этой сложнейшей пьесы, имеющей огромную сценическую историю. Актеры, соскучившись по многомерности, яркости классической драматургии, что называется, «купаются в тексте». В общем для образов всех чиновников города режиссеру и актерам удалось найти достаточно яркие доминанты. Особенно хочется отметить В. Решетникова в роли судьи Лапкина-Тяпкина, играющего своего героя почти гротескно. Угловатость, неожиданная И. Нахаева — Марья Антоновна, этак почти деревенская девица, обладающая завидным здоровьем и невозмутимостью, стихийной, грубой силой. Это создает особенно смешной контраст с провинциальной тонкостью мамочки — артистки С. Наливкиной. Зарезителен непосредственный, азартный и нелепый в сложном дуэте Добчинский и Бобчинский в исполнении С. Войтова и В. Соколова.

Однако в некоторых ролях «Ревизора» пока ощущается эскизная незавершенность.

Теперь о главной роли. С. Петрова в роли Хлестакова артистичен, внутренне раскован, наделен хорошим чувством юмора. Артистичность и стала основной темой этого сценического характера. Мелкий, даже мельчайший чиновник, не находящий в действительной своей жизни воплощения — азартности своей, искрящейся, рвущейся к радости природы. Вот сейчас, в городе Н., попал в обманную ситуацию, он и не обманывал даже окружающих, а на минуту уверовав в происходящее, обманывается сам. Искренняя вера Хлестакова — Петрова в реальность нелепой ситуации создает выразительный контраст с притворством лезвием пера нем чиновников Вера в реальность иной судьбы брезжит где-то в сознании, спо-

рее даже, в подсознании героя, передаваясь зрителю. Он и достоин в общем-то мной судьбы. Такой, какин его играет С. Петрова.

Другому исполнителю роли Хлестакова Лешешенку приходится труднее, нежели актерская природа. Он немного тяжеловат, его Хлестаков. Однако в исполнении Лешешенки подкупает наивность горячая радость от того, что все вокруг сегодня принимают его за человека, считают с ним. Он словно уже преодолел, что это его звездный час, что больше ничего увлекательного в его жизни не будет. Для него и нарочитые сравнения — способ выбиться из будней, которые неумолимо на него наступают. Особенно это читается в последней сцене с Осипом.

Две разные, в чем-то даже противоположные и вместе с тем убедительные трактовки одной роли разными исполнителями, в которых уже раз назывались нескучность и классичность.

Режиссер вводит в спектакль как постановочную доминанту массовые сцены, как бы воплощающие гоголевский «невидимый град». Самое трудное — соединить их бравурную экспрессию с основными хрестоматийными сценами, решениями в достаточно выразительном, но все-таки бытовом ключе.

Это пока, на мой взгляд, не совсем удалось. Сочетание из разнородных фактов было возможно скорее всего по принципу подчинения одной из них другой. Пока оба претендуют на равноправие.

Вызывает сомнение и общее решение массовых сцен. В их зренье большое количество людей — необходимо разноразное, которого можно было достигнуть в первую очередь характерностью — костью, примом (художником Р. Анопов, М. Тотмевина). Обилие же безлико-линейных платящих создало невыразительность толпы. При столь современном, почти протексовом музыкальном решении этих сцен (композитор Ю. Юкочев) и внешне решение персонажей требовало типичной остроты. Однако работа над спектаклем продолжается, а внутренний запас творческой энергии постановки «Ревизора» весьма велик.

В заключение хочется пожелать профессиональному и стабильному коллективу Новосибирского театра юных зрителей, не теряя активности репертуарных поисков, в области драматической и сценической, — быть требовательнее к своей работе и впоследствии в достижении конечных результатов.

Н. ВЕЛИЖАНИНА.

СОВЕТСКИЙ СИБИРЬ

1983 НОЯ 7